

Ты тот же человек, что в пять лет?

*Ни одной прежней клетки, ни одного прежнего убеждения —
и всё-таки почему-то ты*

Философия · 13–17 лет · 13 минут

На той фотографии человек, который боялся собак, верил в Деда Мороза и не знал ни одного слова из тех, которыми ты думаешь сейчас. Вещество тела давно сменилось. На каком основании ты называешь его собой — и почему это не праздный вопрос.

Фотография, на которой ты

Найди свою фотографию лет в пять. Посмотри внимательно.

Этот человек боялся чего-то, чего ты давно не боишься. Верил в то, во что ты не веришь. Не знал почти ни одного слова из тех, которыми ты сейчас думаешь. Не помнил бы ни одного дня из твоей нынешней недели, даже если бы ему рассказали.

Тело у него было другое буквально: почти всё вещество, из которого он состоял, давно заменено. Клетки кожи сменились тысячи раз, кости перестроились, даже атомы в них по большей части пришли из еды, съеденной за эти годы.

И всё-таки ты не колеблешься ни секунды, говоря: «это я».

Вопрос статьи звучит просто, а ответить на него никто до сих пор толком не может: **на каком основании?** Что делает тебя сегодняшнего и того ребёнка одним и тем же человеком — если общего между вами почти ничего не осталось?

Сначала уберём ложные ответы

Есть три ответа, которые приходят в голову первыми, и все три рассыпаются.

«Одно тело». Не проходит: вещество сменилось. Можно возразить, что важна не материя, а непрерывность формы, — но тогда мы отвечаем уже не «тело», а «непрерывность», и это другой ответ.

«Один мозг». Лучше, но тоже шатко. Мозг перестраивается всю жизнь: связи между клетками появляются и исчезают, и картина в пять лет не похожа на нынешнюю. К тому же люди переживают тяжёлые повреждения мозга и остаются собой для близких. А главное — этот ответ подменяет вопрос: он объясняет, где хранится личность, а не что делает её той же самой.

«Одно имя и один паспорт». Это вообще не ответ, а соглашение. Имя можно сменить, документы подделать, а вопрос останется.

Нужен ответ получше. Историю этого поиска начинают обычно с корабля.

Корабль, который перебрали по доске

Древние греки рассказывали, что афиняне хранили корабль, на котором Тесей вернулся с Крита. Корабль ветшал, доски гнили, их заменяли новыми. Прошло много лет, и не осталось ни одной первоначальной доски.

Корабль Тесея: все доски заменены, имя осталось прежним

Тот ли это корабль?

Плутарх пишет, что философы спорили об этом всерьёз, и спор дожил до нас. Потому что у него есть продолжение, которое всё портит. Английский философ Томас Гоббс добавил: а представим, что все снятые гнилые доски кто-то подобрал, отчистил и собрал из них второй корабль. Теперь их два. Который настоящий?

Оба ответа плохи. Сказать «тот, что в гавани» — значит признать, что вещь может пережить полную замену своего вещества. Сказать «тот, что собран из старых досок» — значит признать, что подлинный ко-

рабль много лет пролежал разобраным в сарае, а в гавани стояла подделка, которой пользовались как настоящей.

Задача не решается, и это само по себе результат: **похоже, вопрос «тот же самый?» не всегда имеет ответ «да» или «нет»**. Запомним это, к нему придётся вернуться.

Тождество личности

Философский вопрос о том, что делает человека в разные моменты времени одним и тем же лицом. Отличают **качественное** тождество (две вещи одинаковы, как две монеты одного года) от **нумерического** (это буквально одна и та же вещь, хотя она изменилась). Ты и ребёнок с фотографии качественно совсем разные — и всё-таки, как принято считать, нумерически один.

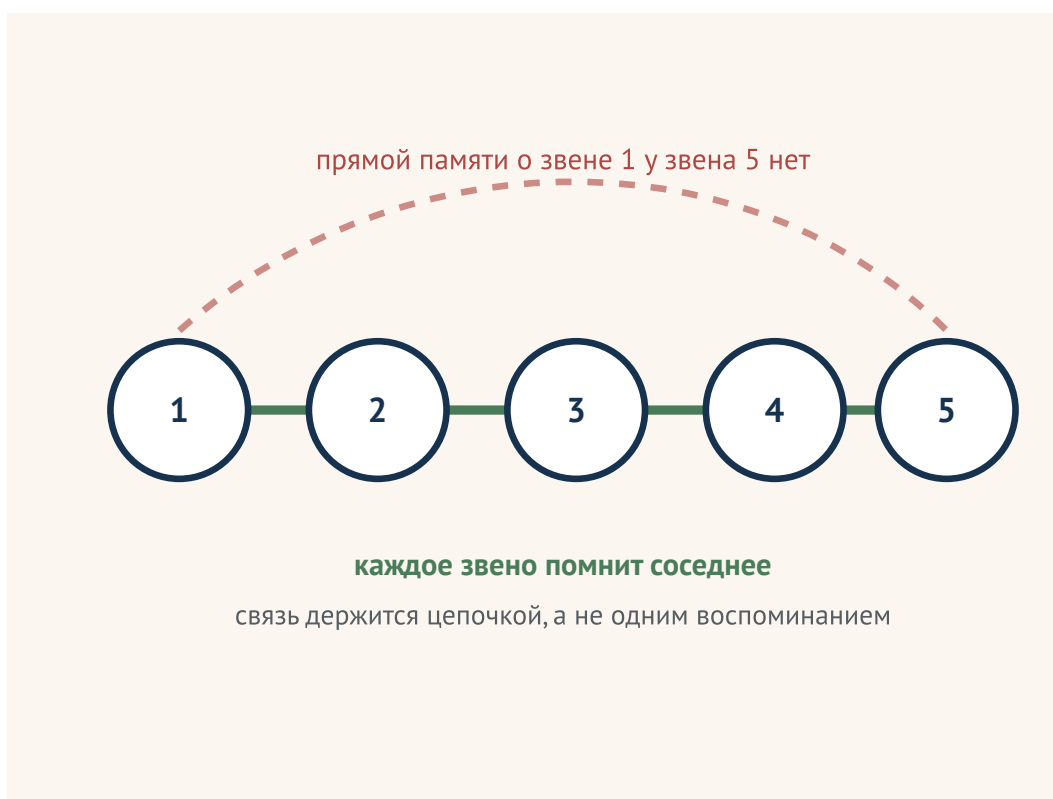
Ответ Локка: связывает память

В 1690 году английский философ Джон Локк предложил ход, который перевернул разговор.

Личность — это не тело и не душа, сказал он, а **сознание, протянутое во времени**. Ты тот же, что вчера, потому что помнишь себя вчерашнего изнутри. Не как факт из справки, а как собственное переживание. Пока память дотягивается, тянется и личность.

Ход красивый: он объясняет, почему мы считаем человека ответственным за вчерашний поступок и не считаем — за поступок, которого он не совершал. Ответственность держится на той же ниточке, что и личность.

Но у Локка сразу нашлась дыра, и нашёл её философ Томас Рид.

Цепочка памяти: каждое звено помнит соседнее, но не дальше

Возражение о старом офицере

Рид предложил такой случай.

Мальчика выпороли за то, что он разорил яблоневый сад. Спустя годы он стал молодым офицером и, беря вражеское знамя, помнил ту порку. Ещё через годы он стал старым генералом, помнил взятие знамени — но порку в детстве забыл начисто.

Теперь считаем по Локку. Офицер = мальчик, потому что помнит его. Генерал = офицер, потому что помнит его. Но генерал уже не равен мальчику, потому что не помнит.

Получается, что А равно Б, Б равно В, а А при этом не равно В. Для отношения «быть тем же самым» это недопустимо: если я — это ты, а ты — это он, то я — это он, иначе слово «тот же» теряет смысл.

Вывод Рида: памяти как основания недостаточно. Её нужно чинить.

Чинили так: важна не прямая память, а **цепочка перекрывающихся связей**. Пусть генерал не помнит мальчика напрямую — но есть непрерывный ряд звеньев, каждое из которых сцеплено с соседним. Ты связан с собой пятилетним не памятью о том дне, а тем, что между вами нет разрыва.

Это уже похоже на правду. И заодно объясняет, почему первые годы жизни выпадают: цепочка там обрывается, и ощущение «это был я» держится не на памяти, а на свидетельстве взрослых и фотографии.

Поворот Парфита: может, вопрос вообще не тот

В 1984 году британский философ Дерек Парфит предложил перестать чинить и посмотреть на задачу иначе.

Он заметил вот что. Все наши мысленные эксперименты — корабль, раздвоение, телепортация — упираются в вопрос «это тот же человек или уже нет?». И ни на один из них нет ответа не потому, что мы плохо думали, а потому, что вопрос сформулирован неверно.

Парфит предложил заменить его другим: **насколько сильна связь?**

Смотри, что меняется. «Тот же или не тот» — либо да, либо нет, середины нет. «Насколько связан» — величина, которая бывает больше и меньше, и это гораздо ближе к тому, как всё устроено на самом деле.

С собой вчерашним связь очень сильная: почти все воспоминания, почти все намерения, тот же характер. С собой пятилетним — слабая: несколько обрывков, сходство темперамента, семейные истории. С собой сорокалетним — пока неизвестно, но точно не полная.

Личность в таком взгляде не точка, а нить разной толщины. И вопрос «тот ли ты» становится похож на вопрос «когда куча песка перестаёт быть кучей»: осмысленный, но без резкой границы.

Парфит делал отсюда вывод, который казался ему освобождающим: раз тождество не всё или ничего, страх собственного исчезновения становится менее острым. Между «я умру» и «через сорок лет будет человек, слабо со мной связанный» разница не такая абсолютная, как кажется.

Река остаётся рекой именно потому, что вода в ней не задерживается

Соглашаться необязательно. Но заметь, как одно переформулирование меняет всю местность.

Есть ли у тебя неизменная сердцевина

Есть. Люди, знающие тебя годами, узнают тебя не по памяти и не по телу, а по чему-то устойчивому: как ты шутишь, на что злишься, что для тебя невозможно. Это ядро меняется медленно и переживает и клетки, и взгляды. Именно поэтому предательство собственных принципов мы описываем словами «он сам не свой».

Нет. Ощущение ядра — скорее история, которую ты о себе рассказываешь, чем нечто найденное. Психологи давно отмечают: люди склонны считать, что уже сложились окончательно, и в каждом возрасте одинаково уверены в этом — а через десять лет обнаруживают, что изменились сильно. Ядро может быть не тем, что есть, а тем, что мы постфактум собираем из прошлого.

Раздвоение, которое ломает последнюю опору

Парфит придумал мысленный эксперимент, который стоит пройти до конца, — он и привёл его к отказу от вопроса.

Представь, что медицина научилась пересаживать половины мозга. У человека два полушария; допустим, каждое способно поддерживать полноценную личность. Тело гибнет, оба полушария пересаживаются двум разным людям. Оба просыпаются, оба помнят твою жизнь изнутри, оба считают себя тобой и оба правы в равной степени.

Кто из них ты?

Перебери ответы. **«Левый»**. Почему он, а не правый? Никакой разницы нет — а ответ на вопрос о тождестве не может зависеть от подброшенной монеты. **«Оба»**. Тогда один человек стал двумя, и слово «тот же самый» окончательно рассыпалось: эти двое разойдутся по разным городам и через год будут чужими друг другу. **«Ни один»**. Но каждому из них изнутри всё в точности как после обычного пробуждения — и странно объявлять смертью то, что переживается как продолжение, да ещё дважды.

Заметь, что произошло. Если бы пересадили только одно полушарие, а второе уничтожили, мы бы не колебались: это ты, тебе повезло. Добавили удачный исход для второго полушария — и ты якобы погиб. Полушария — чужое везение убивает тебя задним числом. Такого не бывает ни с одним нормальным отношением.

Именно здесь Парфит и делает вывод: раз вопрос даёт нелепость на ровном месте, дело в вопросе. Есть связи — память, характер, намерения, — и они бывают сильнее и слабее. А «тот же самый» оказался словом, которое мы приняли за описание, хотя это скорее удобное сокращение.

Почему это не отвлечённый вопрос

Может показаться, что всё это игра. Но от ответа зависят вещи вполне земные.

Ответственность. Наказывать человека за то, что он сделал двадцать лет назад, осмысленно ровно в той мере, в какой он — тот же человек. Спор о сроках давности — это в том числе спор о тождестве личности, хотя его так не называют.

Обещания. Ты обещаешь за кого-то, кого ещё нет: за себя через год. Выбор института, клятва, долг, подпись под договором — всё это распорядок чужой, в сущности, жизнью, которая с твоей сильно, но не полностью связана.

Отношение к своему будущему. Люди систематически обращаются с собой будущим хуже, чем с собой нынешним: откладывают неприятное, тратят чужие деньги, оставляют себе-завтрашнему невыполнимый план. Отчасти потому, что тот, кому это расхлёбывать, ощущается как не вполне ты.

И последнее. Из всего разговора следует довольно неожиданное утешение. Если ты сейчас не такой, каким хотел бы быть, — это не приговор. Тот, кто будет жить в твоём теле через десять лет, связан с тобой прочно, но не намертво. Настолько не намертво, что у него есть шанс быть другим.

Главное в трёх строчках

- Ни вещество тела, ни имя, ни даже мозг не объясняют, почему ты и ребёнок с фотографии — один человек: общего между вами почти не осталось.
- Локк предложил считать основанием память, Рид показал, что прямой памяти мало, и её заменили непрерывной цепочкой перекрывающихся связей.
- Парфит предложил вообще отказаться от вопроса «тот же или нет» в пользу вопроса «насколько сильна связь» — и тогда личность оказывается не точкой, а нитью переменной толщины.

Вопросы для размышления

- Если тождество — дело степени, а не да/нет, то с какого момента обещание, данное тобой пять лет назад, перестаёт тебя обязывать?
- Человек после тяжёлой травмы мозга ведёт себя совершенно иначе и ничего не помнит. Близкие говорят «это уже не он». Правы ли они — и что именно они утверждают?
- Ты откладываешь неприятное дело на завтра. Насколько это похоже на то, чтобы переложить его на другого человека?